

К 100-летию со дня рождения Чайковского

В ДОМЕ-МУЗЕЕ П. И. ЧАЙКОВСКОГО

Шоссе, соединяющее Москву с Ленинградом, на одном каком-то ограниченном отрезке носит название улицы Чайковского. Это — главная улица Клина — небольшого промышленного городка под Москвой.

Клин вошел в историю русской музыкальной культуры, как один из значительнейших памятников конца прошлого века. Здесь, в самом городе и двух ближайших селах — Майданово и Фроловское, жил и творил последние годы своей жизни великий русский композитор Петр Ильич Чайковский. Отсюда 7 сентября 1893 года Чайковский уехал в Петербург, а почти через два месяца телеграф принес в Клин горестную весть: Чайковский скончался.

Клинский период жизни композитора, длившийся в общей сложности около 8 лет, богат выдающимися творческими успехами. В это время Чайковским были написаны оперы «Чародейка» и «Иоланта», балеты «Спящая красавица» и «Щелкунчик», музыка к трагедии Шекспира «Гамлет», дуэт «Ромео и Джульетта», симфоническая баллада «Воевода», симфонии — пятая и шестая, являющаяся до сих пор непревзойденной вершиной всей русской симфонической музыки. К этому же периоду относятся и одна из кратковременных поездок Чайковского за границу, где композитор написал «Пиковую даму».

В Клину Чайковский арендовал небольшой двухэтажный домик на улице, носящей ныне имя великого композитора. Домик этот сохранился

до наших дней. Город Клин времен Чайковского резко отличался от нынешнего Клина. Тогда здесь не было ни фабрик, ни заводов. Жилище Чайковского окружали лес, сады и огороды. У самого дома, на дороге, был шлагбаум, стоял верстовой столб. Чайковский выходил на дорогу, долго глядел вдаль, углублялся в лес, и здесь в тиши обдумывал свои бессмертные творения. Композитор всегда имел при себе записную книжку или маленький альбом из нотной бумаги. Эти записные книжки и альбомы хранятся сейчас в архиве клинского дома. Изящные альбомы в переплетах из цветного муарового шелка с золотыми обрезами хранят в себе записи Чайковского, которые еще ждут своего исследователя. Часто встречаются здесь только две или три ноты, намек на музыкальную тему, редко — целые музыкальные фразы, еще реже — словесные отметки. Все эти книжечки композитор бережно хранил, аккуратно их складывал, часто просматривал.

Дом Чайковского в Клину превращен в музей. Каждая вещь здесь имеет свою историю. Каждый предмет помогает воссоздать в памяти отдельные черты замечательного образа великого русского композитора.

Чайковский любил жизнь, любил много и страстно работать. У него была трудовая, насыщенная творчеством жизнь. В одном из писем композитора издателю Юргенсону мы читаем:

«Для меня жизнь без сочинитель-

ских трудов имеет мало прелести».

Чайковский отличался редкой работоспособностью и точностью. Раз задумав окончить какое-либо сочинение в определенное время, композитор неизменно выдерживал этот срок.

«Пиковую даму» Чайковский написал в 44 дня. В клинском музее хранится рукопись отдельных актов этой замечательной оперы. Чайковский никогда не ждал, чтобы на него «снизшло вдохновение». Из писем и записок к друзьям видно, как композитор сумел выработать в себе способность творческим напряжением, организованной волей, настоящей рабочей дисциплиной вызвать то, что обычно принято считать «вдохновением».

В клинском музее хранится свыше 10 тысяч писем Чайковского. Композитор любил и умел писать.

В письмах выявляется одна важная деталь из жизни Чайковского. Он вечно нуждался в деньгах. Выдающийся русский композитор, чье имя гремело не только в России, но и далеко за пределами ее, — вынужден был отчаянно бороться за свое существование. Творческий труд являлся единственным источником его материальных доходов. Чайковский сознательно и последовательно отказывался стать чиновником. Не было у него никаких поместий, капиталов. Царское правительство не поддерживало талантов.

Чайковский писал из-за границы, из Сан-Ремо: «Успех моих сочинений нисколько не может произойти от того, что я... являюсь делегатом от русской музыки — без денег, без инструктора, не имея возможности ничего организовать, ибо правительство решительно отказывается от субсидий...»

Чайковский создал немало произведений. Одних только симфоний, опер, концертов, балетов и увертюр им написано свыше пятидесяти, не считая бесчисленного множества фортепианных пьесок и романсов. Композитора обирали. Его окружали ловкие дельцы, любители легкой наживы. Добрый, доверчивый, мягкий, Чайковский всегда и неизменно становился жертвой самой неприкрытой эксплуатации.

В спальне Чайковского висит портрет красивой женщины. Это Н. Ф. фон-Мекк. Она, искренняя почитательница его таланта, сыграла огромную роль в жизни и творчестве композитора. Чайковский посвятил фон-Мекк свою 4-ю симфонию, в письмах называл ее «нашей симфонией». Переписка с фон-Мекк — богатейший материал для изучения характера Чайковского. Фон-Мекк часто выручала композитора в нужде, ссужала его деньгами для поездки за границу.

В личной жизни, в быту Чайковский был чрезвычайно скромным и простым. Он спал на обыкновенной железной кровати. В клинском музее в спальне у окна стоит большой кухонный, ничем не покрытый стол. За этим столом Чайковский создавал свои произведения. В соседней большой комнате, служившей одновременно и рабочим кабинетом и гостиной, стоит рояль Беккера, подаренный лично композитору. На столе лежат камертон и ключ для настройки: Чайковский никому не доверял настройку инструмента и неизменно делал это сам.

Чайковский редко бывал доволен своими произведениями. Большой интерес представляет в этом смысле история появления оперы «Евгений Онегин». Чайковский скромно назвал «Евгения Онегина» лирическими сце-

нами и в письме к своему издателю писал об опере: «Ей не предстоит блестящая сценическая судьба, потому я с тебя не возьму за нее ничего». Как известно, «Евгений Онегин» был впервые исполнен в Московской консерватории силами учащихся. Один из учеников и друзей Чайковского виднейший русский композитор С. И. Танеев считал порочной самую мысль переложения Пушкина на музыку. На первом представлении «Онегина» Чайковский спросил Танеева в антракте: «Ну, каково?» Тот ничего не ответил и лишь взглянул виноватыми глазами на своего учителя. Позднее Танеев выучил музыку «Онегина» наизусть.

Заключив оперу, Чайковский писал: «Я нахожусь в самом розовом настроении духа. Я счастлив, что окончил оперу, счастлив, что наступает весна, счастлив, что здоров... а главное, что у меня... есть сознание способности совершенствоваться на своем пути. Если обстоятельства будут благоприятны, а сегодня мне хочется верить, что это так будет, то я могу оставить по себе прочную память. Я надеюсь, что это не обольщение, а справедливое сознание своих сил».

Чайковский всегда горячо радовался успеху своих товарищей. Он старался всячески поощрять музыкантов в их работе, писал ободряющие письма. Композитор жадно искал музыкальные таланты среди детей. Один из экспонатов музея рассказывает о посещении Чайковским Одессы. Однажды к нему в номер привели 8-летнего мальчика-скрипача Рувима Каминского. Когда ребенок заиграл, Чайковский пришел в восторг. Поглажив мальчика по голове, композитор обратился к его отцу: «Не насилюйте только его дарование. Берегите его.

Он у вас такой бледный и худенький. Кормите его хорошенько, пусть он больше развлекается. Не давайте ему очень сосредоточиваться на музыке. В его годы это вредно». А мальчику сказал: «Мы еще с тобой увидимся». Позднее Чайковский часто оказывал бедным родителям этого даровитого ребенка денежную помощь.

Чайковский вообще любил детей и трогательно к ним относился. В Клину сейчас проживает 73-летний пенсионер Н. Д. Иванов. Он знал Чайковского и хорошо его помнит...

— Идет, бывало, Петр Ильич по улице, — рассказывает он, — а рядом — целая ватага ребят. Завернет с ними в лавку, купит игрушек, чтобы никого из детей не обидеть...

Музей в Клину всегда полон народа. Не говоря уже о местных жителях, которые бывают здесь часто, в Клин приезжают из Москвы, Ленинграда, с юга, из Сибири — отовсюду.

В книге посещений есть трогательные записи:

«Внутренняя лаборатория замечательного композитора раскрывается, как благородный подвиг творчества на радость человеку, на радость народу».

Когда композитора особенно сильно донимали праздные визитеры — посетители, он вывешивал на входных дверях наклейку: «Дома нет. Просьба не беспокоить». Эта наклейка, пожелтевшая от времени, висит почтунуто и сейчас. Группа посетителей сделала на днях в книге такую запись:

«Хотя по наклейке Чайковского «нет дома», но с первого же момента, как поднимаешься по лестнице, чувствуешь себя у него, как у хорошего, близкого друга».